

ОТЕЧЕСТВО ВЪ
ОПАСНОСТИ.

ЦѢНА ОТД. № ВЪ РОЗН. ПРОДАЖѢ 60 К. И НА СТ. ЖЕЛ. ДОР. 70 К.

НОВЫЙ

306 н
1917 N 4

САТИРИКОН

№ 42

НОЯБРЬ. 1917

УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ.

Рис. Ре-ми.

Врачи (у постели тяжко больной): — Сердце почти не бьется... Подать ли настоящій голосъ?!.

Отъ издат. „Нов. Сатириконъ“.

Подписчикамъ и читателямъ.

Какъ, мнѣ жеть быть, уже замѣтили наши подписчики и читатели — мы вовсе не материалисты, идеальныя стремленія преобладаютъ у насъ надъ обаяніемъ рубля.

Каковы были до сихъ поръ у „Нов. Сатирикона“ материальныя взаимоотношенія съ подписчиками?

Въ началѣ года мы говорили вскользь:

— Намъ причитается съ васъ такая-то сумма за годовой экземпляръ.

Подписчикъ соглашался:

— Наме вамъ такую-то сумму.

И обѣ стороны сейчасъ же, послѣ этого материальнаго разговора спѣшили погрузиться въ свѣтлое море голубыхъ идеаловъ и жемчужнаго смѣха.

Такъ длилось нѣсколько лѣтъ безъ перерыва: меркантильный разговоръ на одинъ день и жемчужный смѣхъ цѣлый годъ, подписная плата въ декабрь и голубые идеалы въ теченіе двѣнадцати мѣсяцевъ.

Увы! 1917 годъ оказался страннымъ годомъ.

Въ теченіе этого года мы уже **три раза** набавляли цѣну на экземпляръ журнала и, плавая въ морѣ голубыхъ идеаловъ, собираемся все же повысить цѣну и въ четвертый разъ.

Мародеры мы? У кого повернется языкъ это сказать?

Читатель! Нужно ли тебѣ объяснять, что сейчасъ материалы и типографскія работы повысились въ цѣнѣ **впятеро**, а мы повысили цѣну приблизительно только **втрое**.

Двѣ пятыхъ разницы просимъ отнести исключительно на счетъ нашего безкорыстія: люди, смѣющіеся

жемчужнымъ смѣхомъ, не хотятъ хватать своихъ братьевъ за шиворотъ и трясти изъ нихъ легковѣсные рубли, какъ груши съ дерева.

Итакъ, нашъ журналъ съ прошлаго номера стоитъ 60 копеекъ за номеръ, а что будетъ черезъ 2—3 мѣсяца, мы не знаемъ. Можетъ быть, придется поставить цѣну 5 рублей 74 копейки. Но въ это время ботинки будутъ стоить четыре тысячи, а извозчику, который получилъ за конецъ пятисотенный билетъ, съдокъ благодушно скажетъ: „сдачи не надо!“

Теперь, когда мы такъ деликатно разъяснили создавшееся положеніе розничнымъ покупателямъ, постараемся то же сдѣлать и подписчикамъ.

Подписчики! Знаете ли вы, что каждый изъ васъ приноситъ намъ убытокъ въ 5—6 рублей. Не краснѣйте, мы вѣдь не упрекаемъ, и вы здѣсь не при чемъ.

И не для того мы также указываемъ на эту ненормальность, чтобы заслужить ваши оваціи...

Нѣтъ. У насъ было два пути для урегулированія вопроса: первый — довыскать съ подписчиковъ эти жалкіе 5—6 рублей и дать премію. И второй путь — махнуть рукой на эти 5—6 рублей, не высылая премію.

Велѣдствіе перерыва желѣзнодорожнаго движенія и почтовыхъ неурядицъ мы рѣшили избрать второй путь.

Итакъ... жемчужный смѣхъ замираетъ на нашихъ устахъ въ то время, когда мы скорбно говоримъ вамъ подписчики:

— За гнусное, позорное поведеніе всей Россіи мы принуждены оставить васъ безъ сладкаго.

Конечно, вы не виноваты. Но вѣдь не виноваты же и мы, Господи!..

Издательство.

ПО НАДСОНУ.

Другъ мой, братъ мой, усталый страдающій братъ,
Сохрани свое нѣжное чувство.

Пусть, на время, повсюду теперь рефератъ
Замѣнилъ дорогое искусство...

Пусть дѣйствительность вся, какъ пугающій сонъ,
Пусть «буржуями» кличутъ всѣхъ полныхъ, —
Вѣрь, настанетъ пора, — какъ сказалъ намъ Надсонъ,
И исчезнетъ навѣки подсолнухъ...

И не будетъ ни распрей, ни выпренихъ фразъ,
Ни поджоговъ, ни гнусныхъ насилій...
И заблещетъ свобода, какъ яркій алмазь,
Чище снѣга, невиннѣе лилій...

Снимутъ лишній балластъ съ политическихъ баржъ,
Брызнетъ солнце всеобщаго сдвига.

И о прошломъ мы скажемъ, — талантливый шаржъ,
А о сущемъ, — прекрасная книга...

Жакъ Нуаръ.

РОССІЯ ПОДЪ БОЛЬШЕВИКОМЪ.

(Лѣтопись.)

... А когда юнкеровъ частью побросали въ воду, частью
вергли въ узилище, — Ленинъ и Троцкій стали другъ про-
тивъ друга, сладко потянулись, какъ послѣ утомительной
работы и сказали удовлетворенно:

— Ну-съ?

— Ну-съ?..

— Итакъ, гидра буржуазіи сломлена?

— Совершенно! Вырвана съ корнемъ!

— Разбита на голову!

— И начинается царство солдатскихъ, матросскихъ, ра-
бочихъ и батрацкихъ депутатовъ!

— Другими словами, — поправилъ Ленинъ, — начи-
нается царство бѣднѣйшихъ крестьянъ.

— И вѣрно. А буржуевъ — къ дьяволу на ропа!

— Въ порошокъ.

— Хорошо-съ. Но эта работа, такъ сказать, разруши-

тельная. А, какъ извѣстно, существуетъ еще работа созидательная.

— А вы сядьте за столъ, да и двиньте десяточекъ декретиковъ о томъ, о семъ, — чѣмъ ни созидательная работа?!

— И то! Товарищъ Федоръ, бумаги и перьевъ!

* * *

— Написали?

— Написалъ. Теперь что?

— Теперь? Очень просто. Будемъ править страной.

— А... какъ?

— Да очень просто. Какъ, вообще, правятъ страной.

— То есть?

— Я слышалъ черезъ одного знакомаго буржуя (царство ему небесное!), что наилучше всего править страной черезъ министерства. Они, значить, работаютъ, а мы, значить, имъ говоримъ, что хотимъ того-то и того-то. Или: сдѣлайте то-то и то-то. А ужъ тамъ какая-нибудь этакая канцелярская буржуйная крыса сейчасъ же перомъ по бумагѣ: тр-р-р!..

* * *

— Отворите! Эй, кто тамъ есть живая душа!? Откройте!

— Кого тутъ носить?

— Министръ въ министерство пришелъ. Драсте.

— И васъ тѣмъ же концомъ. Гдѣ министр?

— Эва! Да я же и есть министр...

— Вы-ы? Всякихъ видадь, а этакого не приходилось. Дѣло къ намъ что ли какое имѣете?

— То есть какъ? Да вѣдь я министр! Править пришелъ!

— Ну, правъ, правъ. Дѣло хорошее.

— А гдѣ мои подчиненные?

— Да ужъ нѣту ихъ.

— Какъ нѣту? Вотъ эти... директора тамъ разные, столоначальники.

— Да вѣдь они буржуи всѣ. Вотъ, глядишь, и ушли.

— Гм!.. Какія большія комнаты.

— Да комнаты не малыя...

— И все пустыя, пустыя...

— Гдѣ ужъ имъ полнымъ быть. Разбрелся народъ — кто куда.

— Дайте папиросочку. А гдѣ мой кабинетъ, министерскій?

— Вот онъ. Только вы ничего тутъ не трогайте, на столъ. А то разбросаете бумаги, послѣ мнѣ же достанется.

— Послушай, товарищъ-куррьеръ... Ты я вижу, парень дошлый и въ этихъ министерскихъ дѣлахъ кое-что понимаешь... Хочешь, я тебя сдѣлаю товарищемъ министра.

— Гдѣ намъ, господинъ хорошій. Гусь... этому самому не товарищъ.

* * *

— Влипли мѣ въ исторію, товарищъ Ленинъ!

— А что?

— Ни одинъ подлый буржуишка не хочетъ съ нами работать. Всѣ министерства, — хотъ шаромъ покати...

— Гм! Вотъ-те и диктатура пролетаріата.

— Вотъ-те и диктатура бѣднѣйшихъ крестьянъ.

— Слушайте... А разъ диктатура, — можетъ, если мы его штычишкой въ бокъ, — онъ, гляди, и заработаетъ.

— Буржуй-то? Видно, не знаете вы его, империалиста!

Зимнія сумерки сгустились.

Оба, Троцкій и Ленинъ, сидѣли въ передней министерства внутреннихъ дѣлъ и глядѣли другъ на друга влажными тоскливыми глазами.

— Боже жъ мой, гдѣ же выходъ? Гдѣ выходъ?

Услышавъ послѣднія слова, куррьеръ приблизился къ нимъ и сказалъ солидно:

— Выходъ? Идите налево по коридору и первая парадная, на лѣстницу. А тамъ внизъ, — тутъ тебѣ и будетъ улица!

Медуза-Горгона.

ПЕРВОЕ ЛИХОЛѢТІЕ.

(Историческій этюдъ.)

I.

И бѣ, во время оное,
Година бѣдъ и зла:
Порожня корона
Болванчика ждала.

Крупомъ кипѣли страсти,
Разбои и бои,
И рвали Русь на части,
Чужіе и свои.

Здѣсь села жгли поляки,
Тамъ, скучившись въ полки,
Донскіе забіяки
Играли «въ городки».

И бѣ отъ сей забавы
Отечеству изъянъ:
Зѣло черствѣли нравы,
Зѣло трещалъ карманъ.

II.

И вотъ, во градѣ Нижнемъ
Мясникъ вскочилъ на столъ;
Откашлялся и къ ближнимъ
Такою рѣчь повелъ:

«Пушай кричать, что Мининъ
Народъ честной деретъ,
Я, братцы, неповиненъ,
Повиненъ — черный годъ!

Повсюду возмущенія,
Что шагъ, то самопаль;
И нѣту сообщенія,
И привны курсъ упалъ!

А тутъ, вдобавокъ, ляхъ
Нечистый къ намъ принесъ;
О шапкѣ Мономаха
Мечтаетъ вражій песь.

Царить кому не лестно:
Службишка, — не яремъ;
Одначе намъ невмѣстно
Имѣть его царемъ:

Взойдетъ прислужникъ папы,
На православный тронъ
И мигомъ палѣ въ лапы
Спихнетъ Рассею онъ!

Нѣтъ, въ прорубь вражья ката:
Онъ править не должонъ!
Одинъ исходъ... Робята,
Тащи на рынокъ жонь!!»

III.

Совѣтъ нижегородцамъ
Понравился весьма, —
Валить народъ къ воротцамъ,
Штурмуетъ терема;
Съ законной половиной
Шумить, войдя въ азартъ,
И гонить хворостиной
Живой закладъ въ ломбардъ.

Ну, кончены мученія:
Супружницы — ау!
Готовьте ополченье
И — шагомъ маршь въ Москву!

IV.

Въ тѣ годы жилъ межъ ними
Пожарскій, храбрый князь,
Котлетами своими
И славясь, и гордясь,
А тамъ, гдѣ есть котлеты,
Мясникъ — не за горой;
И вздернулъ эполеты
На князя нашъ герой:

«Тебѣ чины, награды,
Главенство на войнѣ,
А Минину — подряды...
По Мининской цѣнѣ!»
«Согласенъ!» — князь отвѣтилъ,
Склонивъ свою главу,
И въѣхалъ, бодръ и свѣтелъ,
Съ побѣдою въ Москву.

П О - Ц А Р С К И.

Рис. В. Антоновскаго.

Адвокатъ: — А съ моимъ кліентомъ прямо по-царски поступили.
— Оправдали?
— Я же говорю — по-царски. Въ Тобольскъ на поселеніе сослали.

Оштрафовалъ боярство:
Довольно баловать!
И приказалъ на царство
Кого-нибудь избрать.

Бояре, очень мило,
Блюдя свой интересъ,
Избрали Михаила —
И молодъ, и балбесъ.

V.

И се, во время оно,
Скончалась злая мгла:
Порожня корона
Болванчика нашла!

Василій Князевъ.

МАЛЕНЬКІЕ РАЗСКАЗЫ.

Все по-старому.

Когда заработокъ волжскихъ грузчиковъ дошелъ до 480 рублей въ день, началось опасное революціонное движеніе...

Судовладѣльцы и грузоотправители стали собираться по конспиративнымъ квартирамъ на массовки, и слышенъ былъ негодующій ропотъ толпы...

- Эксплуататоры!..
- Кровь нашу пьютъ!..
- Мы забастуемъ!..
- Нѣтъ больше силъ терпѣть, намъ тоже надо жить.

Многіе купцы и миллионеры предлагали даже:

- Выйдемъ на улицу!
- Демонстрація!

Но наиболѣе осторожные говорили:

- Не будемъ расплывать силъ, не надо давать себя разбить по частямъ. Будемъ накапливать революціонную энергію.

Но все же пароходовладѣльцы, пассажиры и купцы прошли въ Нижнемъ по городу съ красными флагами:

— Да здравствуетъ пролетаріатъ!..

Грузчики потребовали, чтобы демонстранты были разогнаны военной силой, но совѣтъ какихъ-то тамъ депутатовъ боялся, какъ бы войска не перешли на сторону народа.

На другой день грузчики подняли свою расцѣнку до 513 рублей.

Грузовладѣльцы вновь собирались по ячейкамъ и конспиративнымъ квартирамъ.

Какой-то смѣлый молодой террористъ-грузоотправитель бросилъ бомбу въ предсѣдателя профессиональнаго союза грузчиковъ.

Это вызвало взрывъ сочувствія въ обществѣ.

Террористъ былъ отправленъ въ Кронштадтъ.

А цѣны росли...

Подпольныя буржуазныя газеты писали:

— Доколѣ эти буржуи-грузчики будутъ пить чистую гражданскую кровь купцовъ и судовладѣльцевъ...

Разбрасывались прокламаціи:

— Смерть буржуямъ-грузчикамъ!..

— Мы тоже хотимъ жить!

Совѣтъ рабочихъ, солдатскихъ, матросскихъ, батрацкихъ и ученическихъ депутатовъ призвалъ грузчиковъ и заявилъ имъ:

— Вы должны идти навстрѣчу требованіямъ пролетаріата. Лучше освободить капиталистовъ и цензовиковъ снизу, чѣмъ, если они освободятся сверху.

Грузчики отвѣчали:

— Послѣ насъ хоть делюжь!

Но росла и волна революціи.

Уже въ нѣкоторыхъ приволжскихъ городахъ были попытки всоруженнаго возстанія пролетарскихъ массъ, судовладѣльцевъ.

Уже пролилась кровь по улицамъ Самары и Астрахани...

Революція надвигалась.

Борисъ Флитъ.

П О С У Щ Е С Т В У .

Рис. В. Лебедева.

Сепаратисты (у одрабольной Россіи): — Ну, какъ Россія? Выживетъ?

Врачъ: — Выживетъ. И васъ въ первую голову.

Иностр. дипломатъ (осмотрѣвъ Скобелева): — Нужно будетъ сказать этому молодому человѣку, чтобы онъ весь этотъ свой багажъ въ прихожей оставилъ...

ПОСЛЪ МИТИНГА.

Насилу миноваль автомобиль
Грохочущіе красные заводы;
Я грустно думать: «Пыль и только пыль,
Мы — книжники, не рыцари свободы.

Не вспыхнуть очищающимъ огнемъ:
Да, тусклы мы и тускло наше небо...
Аплодисменты. Крики: «всѣ умремъ»,
И рѣзкій возгласъ: «лучше дайте хлѣба».

Не вѣримъ, радуясь, и холодны, кляня;
Порывъ затихъ, едва ль возникнетъ снова
И нѣтъ въ глазахъ ни гнѣва ни огня.
И Марсельеза паснетъ съ полуслова.

Мы пламенѣли нѣсколько минутъ —
Благословенна память ихъ да будетъ!
Слова исчерпаны и нуженъ трудъ,
Но мы скорбимъ и молимся о чудѣ.

Молчанія суровую печать
Когда бы на себя спокойно наложили!
Когда бы такъ! Работать и молчать,
Своей довѣрясь напряженной силѣ.

Идемъ впередъ, товарищъ, ты готовъ?
Трусливые пускай уходятъ въ норы!
Пусть не смущаютъ искреннихъ борцовъ
Сектантскіе назойливые споры.

Но такъ не будетъ. Бдителенъ и нѣмъ
Не будетъ каждый въ день послѣдней брани.
Обсудятъ фракціи... Воззвание «ко всѣмъ»,
Рѣшилъ издать пленарное собранье».

Стремительно скользиль автомобиль
По грязному рабочему кварталу.
Опять на митингъ. Надо бы къ началу...
Слова и жесты. Пыль и только пыль.

Владиміръ Пруссакъ.

ДИПЛОМАТЬ ИЗЪ СМОЛЬ-
НАГО.

Фельетонъ Арк. Аверченко.

Знаете ли вы что-либо о диплома-
тахъ?

Самый умный дипломатъ подарилъ
мнѣ цѣнной фразой:

— Языкъ данъ дипломату для то-
го, чтобы скрывать свои мысли.

Если это такъ, то демократическіе
дипломаты изъ Смольнаго институ-
та, — самые подлинные, настоящіе дип-
ломаты: языкомъ работаютъ на диво,
и мысли свои скрываютъ такъ замѣча-
тельно, что при всемъ желаніи — въ
дипломатическомъ наказѣ, который по-
везетъ въ Парижъ «товарищъ», и
кончика мысли не найдешь.

Наказъ — вещь высокой диплома-
тической безсмыслицы, и поэтому ее
надлежитъ признать тонкой, хитроум-
ной, настоящей талеирановско-маккіа-
велевской.

Самъ чортъ ногу сломить, раз-
бираясь — чего же хотятъ диплома-
тическія смольныя институтки?

Если выгоды Россіи, — такъ нѣтъ!
Почти весь документъ построенъ на до-
ставленіи удобствъ Германіи. Если до-
кументъ поддерживаетъ Германію, —
кой чортъ! Вѣдь это тоже невозмож-
но, — Германія воюетъ съ Россіей,
Германія нашъ врагъ... Зачѣмъ же ее
поддерживать?

Тонкая дипломатическая штука этотъ наказъ изъ
Смольнаго!

* * *

Для того, чтобы разсѣять туманъ, я обратился къ дип-
ломату Скобелеву.

— Вы везете наказъ на конференцію?

— Нѣтъ, думаю отказаться.

— А кто же повезетъ?

— Вѣроятно, поѣдетъ товарищъ Капитулякинъ.

— Дипломатъ?

— Ого!

— Онъ что же... при чемъ аккредитивенъ?

— При заводѣ «Новый Парвйайненъ» токарь по мѣди.
Но это ничего не значить... Голова! Мозги!

Съ нѣкоторымъ трудомъ отыскаль я товарища Капиту-
лякина. Когда я вошелъ въ его скромный кабинетъ, этотъ
головастый паренекъ щагаль энергично по комнатѣ и, погля-
дывая на какую-то книжку, которую держаль въ рукахъ,
бормоталь:

— Бонжуръ маманъ. Команъ ву порте ву? Донне муа
встръ мушуаръ де пошъ. Э муа з'осси малядь, тре бонъ.

— Здравствуйте.

— А-а... Бонъ суаръ, гранъ-перъ. Кескесе вамъ
нужно?

— Видите ли, внучекъ, — раскланялся я. — Мнѣ бы хо-
тѣлось знать: это вы ѣдете отъ Смольнаго на парижскую
конференцію?

— Вуй. Се муа.

— Вы что же... давно дипломатіей занимаетесь?

— Уже полторы недѣли. Съ языками у меня только
что-то не ладится. Французскій язычишка — самый каверз-
ный. Пишется «мои», а читается «муа» — вотъ тутъ и раз-
берись. То ли дѣло нашъ честный русскій языкъ: «Мандатъ,
делегатъ, кооптація безъ аннексій и контрибуцій»!

— А вамъ принципы дипломатіи извѣстны?

— Ого! «языкъ данъ, чтобы скрывать свои мысли».
Вотъ-те и принципы!

— Ну, напримѣръ?

— Ну, вотъ, скажемъ, мысль у меня такая: чего этотъ
субъектъ притащился ко мнѣ, мѣшая работать! А языкомъ
я говорю вамъ: «присядьте пожалуйста. Не хотите ли чаю?»

— Мерсі.

— Падекуа, теварищъ?

ВСЕ ОТЪ НОЯ.

Рис. Б. Антоновскаго.

— Вотъ оно братство-то, Степанъ Егорычъ. Раньше писали: «имъ пове-
лѣваю, а теперь пишутъ: хамъ повелѣваетъ...»

— Значитъ, вы всѣ эти дипломатическія тонкости уже раскусили?

— Не трудная вещь. Раскумекалъ. Я вѣдь себѣ и фрачишко уже такой закрутилъ, что — тре бонъ.

— Неужели, фракъ заказали?

— А то какже, — разъ дипломатъ, неужто жъ безъ фрака?

— Однако, совмѣстимы ли демократическіе принципы и буржуазный черный фракъ?

— А кто вамъ сказалъ, что онъ черный? Такое красное суконце завинтилъ, въ глазахъ рябитъ. Съ моноклемъ вотъ бѣда.

— А что? — спросилъ я участливо.

— Въ глазу не держится. Думаю передъ отъѣздомъ разъ навсегда вставить. Вмазать въ родъ этакой зимней рамы. Прорборчикъ смастачимъ, а, главное, языкъ... онъ такъ скроетъ мысли, что въ три года не докопаешься.

— Какіе же тезисы будете вы поддерживать?

— Очень простые. Вся земля народу безъ выкупа.

— Ну, да, но вѣдь это внутреннее наше дѣло. При чемъ тутъ конференція?

— А все-таки. На всякій случай. Второе — полная автономія Франціи и Англіи...

— Какъ автономія? Но вѣдь эти государства совершенно независимыя?!

— Ну, пусть. Это неважно. Третье — возстановленіе Бельгіи и Испаніи изъ международнаго фонда.

— Но вѣдь Испанія не разрушена. Она даже не воевала.

— Ну, тогда дадимъ имъ автономію. Англіи мы предложимъ плебисцитъ — куда хочетъ присоединяться: къ Великобританіи или Германіи? Эльзасъ отдадимъ Лотарингіи, а...

— Какъ вы не спутаетесь? — удивился я. — Столько государствъ, а вы одинъ.

— Да ужъ... дипломатія, это не лапти плести. У меня, правду сказать, ворошится въ мозгу одна идея. Она еще не оформлена, но если ахнуть ее на конференціи, — глаза у всѣхъ на лобъ полѣзутъ.

— А, ну — ахните сейчасъ.

— Между нами?

— Ну, что вы...

— Такъ вотъ вамъ: думаю я предложить самую справедливую штуку съ нашей демократической точки зрѣнія: взять всѣ европейскія земли, обмѣрить ихъ, да потомъ и раздѣлить поровну между всѣми участниками конференціи... Скажемъ, сидятъ за столомъ двадцать государствъ, у которыхъ двадцать миллиардовъ десятинъ на всѣхъ. Вотъ каждому и достанется по миллиардику.

— Значитъ, и Сербіи цѣлый миллиардъ?

— Да, это, положимъ, я хватилъ. Многовато имъ. Ну, мы сербовъ къ Германіи причисляемъ.

— А маленькая Румынія? Тоже миллиардъ?

— Ее можно къ Венгріи. Это, впрочемъ, уже детали.

— Боюсь я только...

Дипломатъ ласково улыбнулся.

— Не стѣсняйтесь, договаривайте.

— Боюсь я, что Россія на этомъ дѣлѣ съ дѣлежомъ — потеряетъ.

— Почему?

— У ней земли сейчасъ больше, чѣмъ миллиардъ десятинъ.

— Сейчасъ! Но я говорю о томъ, что будетъ послѣ войны.

— А что же...

— Тогда будетъ меньше. Такъ что мы на этомъ дѣлѣ только выиграемъ.

— А съ министромъ Троцкимъ вы уже сговорились?

— Почти. Онъ парень понимающій. Единственное разногласіе у насъ — насчетъ выхода какой-то страны къ морю.

— Ну и что же вы?

— Я не понимаю: зачѣмъ имъ этотъ выходъ къ морю? Еще утонетъ кто-нибудь. То ли дѣло суша!

— До свиданья.

— Адыю, ма тантъ!

Я вѣжливо расшаркался:

— Адыю, грандъ-меръ!

Вмѣсто этого, я хотѣлъ сказать совсѣмъ другія слова, но... недаромъ мы, дипломаты, твердо устроили принципъ:

— Языкъ данъ для того, чтобы скрывать свои мысли.

Арк. Аверченко.

У КЛАДБИЩЕНСКИХЪ ВОГОТЪ.

(Фельетонъ для чтенія на ночь.)

„На московскихъ кладбищахъ забастовали могильщики, предъявившіе экономическія требованія“.

(Изъ газетъ.)

Покойникъ Папуричь сидѣлъ около кладбищенскихъ воротъ и мурлыкалъ какую-то пѣсенку.

— Виноватъ, вы въ очереди? — спросилъ его прилично одѣтый покойникъ среднихъ лѣтъ, съ большимъ вѣнкомъ небрежно перекинутымъ черезъ плечо.

— Въ очереди. Можно сказать, четыре дня разлагаюсь и никакого толка.

— Большіе безпорядки, — вѣжливо поддержалъ разговоръ новый покойникъ и учтиво освѣдомился, — давно изволили умереть?

— Въ пятницу. Съ тѣхъ поръ покоя нѣтъ, и прошенье подавалъ и спиртомъ утощаль могильщиковъ...

Оба покойника вздохнули.

— Конечно, каждому похорониться лестно.

— Я съ ихъ выборнымъ говорилъ... Сердитый господинъ такой. «Наумираютъ, говорятъ, а потомъ къ намъ лѣзутъ, забастовку срывать. Пока живой, такъ ему до могильщика дѣла нѣтъ, — живи, какъ собака, а чуть только ноги протянулъ, такъ къ намъ...» Такъ въ лицо и сказалъ...

— Скажите, скажите... Требованія они предъявляютъ?

— Предъявляютъ. Больше насчетъ политики.

* * *

— Потому, знаете плохо, что могильщикъ-то, онъ частнымъ заказомъ живетъ. Хозяина у него нѣтъ. Изволили вы, скажемъ, умереть, ну сейчасъ же и могильщика: хорони. А цеха у него нѣтъ, — вотъ онъ къ намъ, заказчикамъ, и придирается.

— Отстальные мы. Читалъ я гдѣ-то, что за границей у покойниковъ своя организація есть. Старосты, делегаты и все какъ слѣдуетъ.

— По районамъ навѣрное. Тогда и говорить легче: мы, молъ, покойники второго Спасскаго подрайона требуемъ...

— Конечно. А у насъ что — Азія?

— Именно, какъ говорятъ, полушаріе. У меня можетъ и мѣстечко здѣсь на кладбищѣ куплено, меня только подзарыть осталось, а они бастуютъ...

— Можетъ, сами подзароемся... Какъ говорятъ, всѣ на одного, а одинъ на всѣхъ...

— Неудобно. Скажутъ, — штрейкбрехеры.

— Надо же что-нибудь... Я уже усталъ, которыя сутки... Сюда, кажется, идутъ, можетъ могильщики... Попробуемъ смазать...

* * *

— Это-то? Это-то свой. Ходишь, Вася?

Худой унылый покойникъ горько сплюнулъ и присѣлъ на землю.

— Хожу, хожу. Сейчасъ въ бюрѣ похоронной былъ. Гробъ продалъ. Черти... за газетовый тридцать рублей дали...

— Скажите, какой безцѣнокъ...

— А восемь дней тому назадъ, собственная моя жена имъ же за него сто десять отвалила. Ну, не мерзавцы ли?

— Рады съ насъ шкуру содрать... Не житье теперь покойнику...

— И не говорите. Понадѣешься, умрешь, а потомъ ходишь и каешься. Зналъ бы, личше — на докторовъ поистратился, переждалъ бы забастовку...

— Что наследники-то наши смотрятъ...

— Ахъ, и что вы, право... Какой теперь наследникъ пошелъ? Развѣ теперь есть порядочные наследники? Раньше же бывало умереть кто, такъ наследникъ еще тепленькаго на кладбище тащить... Отъ могилы его не оторвешь прежде, чѣмъ не закопаютъ... Какъ увидитъ, что уже не выльзетъ изъ земли покойничекъ, — тогда и бѣжитъ деньги считать... А теперь ему хоть бы что, — десять дней ходи непохороненнымъ, не пошевелится...

— Тяжелое времячко...

* * *

Вечерѣло. Подходили новые. Забастовка продолжалась. Могильщики требовали.

Арк. Буховъ.

ЛЕГКОЕ ИСПРАВЛЕНИЕ КЛАССИКОВЪ.

Рис. В. Лебедева.

Зима, крестьянинъ торжествуя,
На дровняхъ обновляетъ путь,
Его лошадка, аграрный погромъ почуя,
Несется рысью, а не какъ-нибудь.

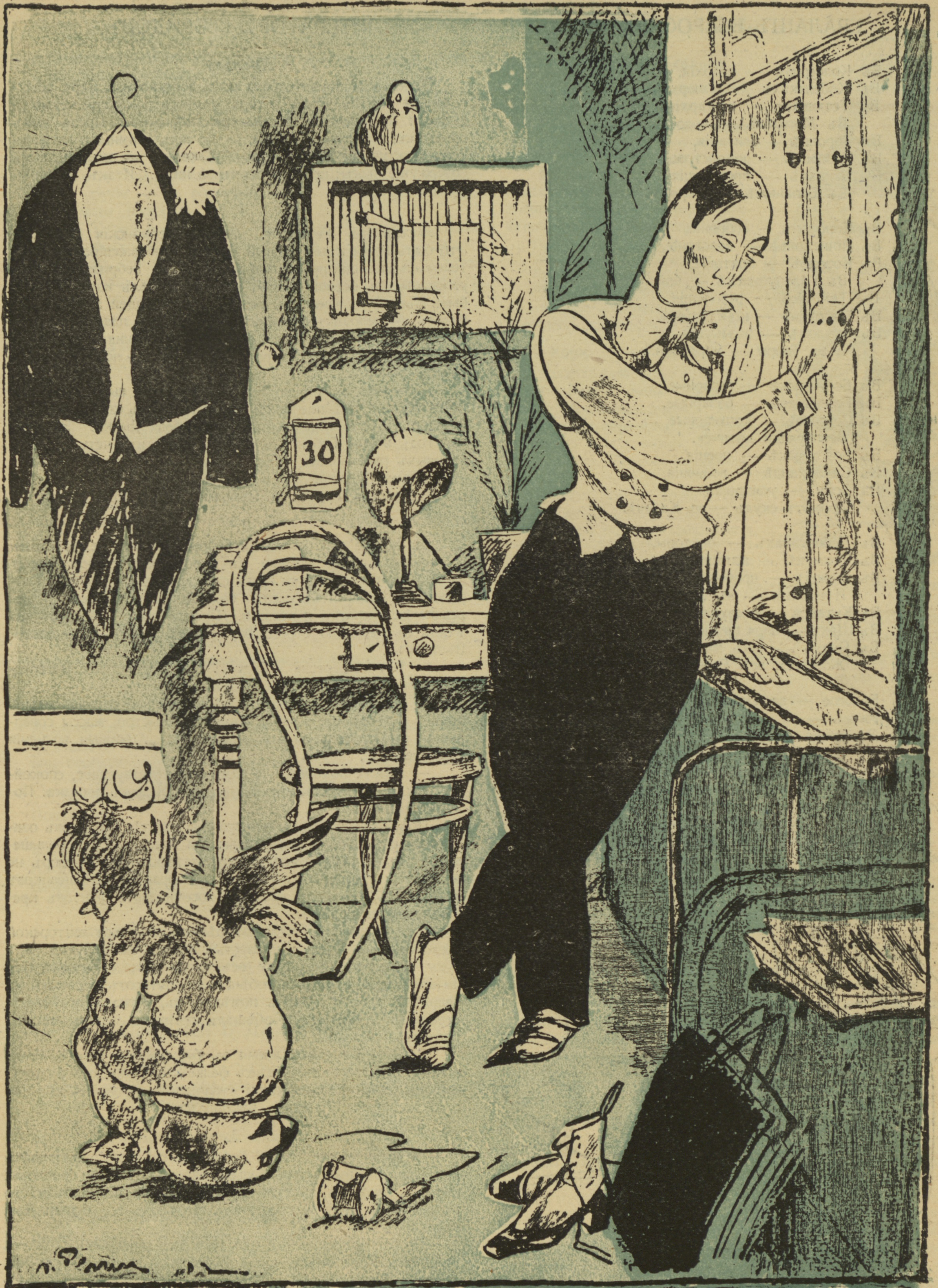
Встаетъ заря во мглѣ холодной,
На нивахъ шумъ работъ умолкъ,
Потому что въ странѣ голодной
Человѣкъ человѣку — волкъ.

Выдь на Волгу — чей стонъ раздается
Надъ великою русской рѣкой?
Этотъ стонъ у насъ такъ стономъ нынче и зовется,
А причина его — организованный грузчиками разбой.

Скажи-ка, дядя, вѣдь не даромъ
Вы, солдаты, допустили,
Чтобы Москву, спаленную пожаромъ,
Большевики разгромили?!..

Дипломати пока еще нечего дѣлать.
 (Изъ рѣчей Ллойдъ-Джорджа.)

БЕЗРАБОТНЫЙ.

ЕРАЛАШЪ ВСЕРОССИЙСКІЙ.

Въ Кологривѣ — анархія,
Въ Кобелякахъ — монархія,
Въ Тетюшахъ — олигархія,
Въ Могилевѣ — содомъ.
Въ Торопцѣ — агитация,
Въ Кролевцѣ — демонстрація,
Въ Балахнѣ — провокація.
Въ Балашовѣ — погромъ.

Въ Конотопѣ — собраніе,
Въ Пошехонѣ — возстаніе,
Въ Козодоѣ — братаніе,
Въ Голопупинскѣ — бой.
Въ Темрюкѣ — революція,
Въ Костромѣ — конституція,
Въ Чухломѣ — экзекуція,
А въ Твери — мордобой.

Въ Богучарскѣ — аграрные,
Въ Павлоградѣ — базарные,
Въ Сенгилейѣ — кошмарные
Беспорядки «вопче».
Въ Голодаевкѣ — пренія,
Въ Самаркандѣ — волненія,
На Дону — усмиренія,
Грохотъ скулъ — въ Калачѣ.

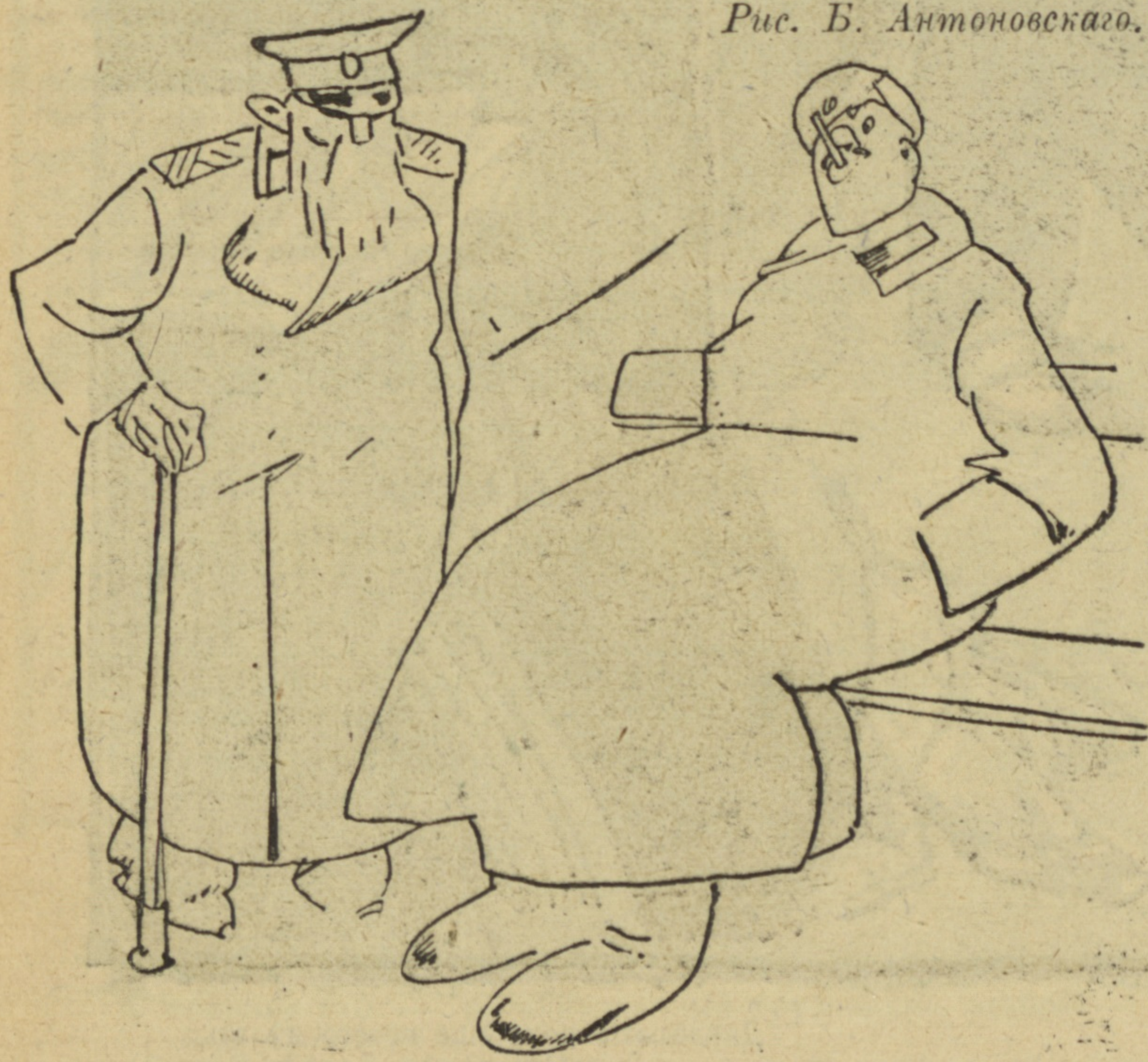
Въ Чебоксарахъ — ораторы,
Въ Токмакѣ — агитаторы,
Въ Бирючѣ — провокаторы,
И шпионы — въ Уфѣ.
Въ Кутайскѣ — республика,
Въ Шахѣ — царя просить публика,
Въ Пняхъ — какъ мяса и бублика,
Жаждаютъ всѣ Галифѣ.

Бологое — за Троцкого,
Ржевъ — за... графа Потоцкого,
За вождя центрофлотскаго
Сталь горой Барнауль.
Въ Сапожкѣ — автономія,
Въ Днѣ — горитъ экономія...

Братцы, други, знакомые, —
Мочи нѣтъ... Кар-р-рауль!!

Доль.

Рис. Б. Антоновскаго.

НОВЫЙ ФРОНТЪ.

— А ты, любезный, былъ на войнѣ?
— А какже! Воевалъ.
— На какомъ фронтѣ?
— На Гатчинскомъ. Полтора часа въ окопахъ сидѣлъ.

ЛИТЕРАТОРЪ ГЕБРИДОВЪ.

Прологъ.

Маленькая, поучительная и въ достаточной мѣрѣ обыкновенная исторія. Нашъ авторъ желаетъ показать метаморфозы и приключенія литератора Гебридова. Предъ нимъ проходили страданія и слезы, — но псевдонимныхъ отгадчиковъ просимъ не беспокоиться. Словомъ, — знакомо вамъ содержаніе пьесы; прошу слѣдить за нимъ. Итакъ, мы начинаемъ!

1.

Литераторъ Гебридовъ любилъ германскія звѣрства. Это былъ прекрасный модный товаръ, требовавшійся покупателемъ и дававшій приличный заработокъ. Гебридовъ писалъ рассказы изъ боевой жизни, которую успѣлъ изучить, пробывъ нѣкоторое время въ рядахъ дѣйствующей арміи. Гебридовъ, — человѣкъ семейный. Женѣ нужны платья, сыну — сапоги, дочери — учебникъ геометріи Малинина и Буренина. — Все будетъ! Завтра кончу рассказъ, получу авансъ. Будетъ радость.

Гебридовъ бывалъ во всѣхъ редакціяхъ, выгодно размѣщаль эскизы, имѣвшіе своей цѣлью показать коварство проклятаго тевтона и доблесть фельдфебеля Дырки. За первый годъ войны Гебридовъ успѣлъ выпустить четыре книжки военныхъ рассказовъ: «Тесакъ и пуля», «Подвигъ ратный», «Въ кошмарѣ шрапнелей» и «Бой и душа».

Гебридовъ боролся съ нѣмцами энергично и твердо.

2.

Въ первые дни революціи Гебридовъ былъ делегированъ для пропаганды въ деревню. Какъ подобаетъ старому борцу за свободу и искреннему врагу самодержавнаго режима, Гебридовъ зачислился въ партію большевиковъ. Сборы въ деревню были кратки и недолги. Прежде всего Гебридовъ захватилъ въ редакцію строго буржуазной газеты «Банковскій Вѣстникъ».

— Буду въ деревню. Буду глотать впечатлѣнія, интересный бытъ... Хочу вамъ посылать...

— Но имѣйте въ виду, — наставительно сказалъ редакторъ, — революція пришла слишкомъ быстро, массы совершенно неподготовлены къ перевороту. Апарная волненія неминуемы...

— Будьте покойны. Я дамъ соответствующее, спокойное, чисто государственное освѣщеніе. Я другъ порядка. Пожалуйста, триста...

Получивъ авансъ въ буржуазной газетѣ, Гебридовъ озаботился полученіемъ литературы для крестьянъ. У большевиковъ въ данный моментъ соответствующихъ брошюръ не оказалось; Гебридовъ обратился къ фракціи меньшевиковъ и получилъ отъ нихъ три пуда восемнадцать фунтовъ крестьянской литературы.

Уже въ вагонѣ Гебридовъ рѣшилъ заняться лекторской подготовкой и выучилъ наизусть случайно попавшуюся подъ руку аграрную программу эсъ-эровъ. Въ деревняхъ онъ имѣлъ большой успѣхъ; обѣщая по пятьсотъ десятинокъ на человѣка, прозно пушилъ помѣщиковъ, изгналъ правительственнаго комиссара и обѣщавъ пріѣхать черезъ мѣсяцъ устроить коммуны.

Въ это же самое время въ буржуазной газетѣ «Банковскій Вѣстникъ» печатались фельетоны Гебридова о растущей въ деревняхъ анархіи и «маячащемъ призракъ красной пугачевщины». Гонораръ накоплялся.

3.

Вернувшись въ столицу Гебридовъ сдѣлался энергичнымъ работникомъ въ партіи большевиковъ. Писалъ брошюры, вѣсилъ гонораръ, выступалъ на митингахъ, получилъ мѣсто въ районной думѣ и предлагалъ закрывать всѣ буржуазныя изданія.

Въ одинъ прекрасный день на всѣхъ афишныхъ столбахъ появились объявленіе о новой ежедневной газетѣ «Другъ Народа». Издавалъ эту газету популярный биржевой шантажистъ, чело котораго гордо носило слѣды многократныхъ аплодисментовъ при помощи палокъ, зонтиковъ, портфелей, буюаровъ и прочихъ предметовъ дѣлового обихода. Литераторъ Гебридовъ жирнымъ шрифтомъ красовался въ списокѣ сотрудниковъ «Друга Народа». Иногда Гебридова спрашивали, — какъ совмѣстить его большевизмъ съ участіемъ въ газетѣ шантажнаго биржевика?

— Видите ли, тутъ цѣлая исторія... Очень подробная, очень длинная и очень скучная. Я, конечно, большевикъ, но

не въ вульгарномъ, одиозномъ значеніи этого термина. Я, конечно, противъ буржуазіата, но опять таки въ чисто диалектической концепціи... къ тому же очень плохи дѣла, и я человекъ семейный...

Гебридовъ заминалъ разговоръ и просилъ ссудить его пятнадцатью рублями «до четверга».

4.

Всѣ знали, что Гебридовъ — большевикъ. Одни знакомые относились къ этому факту съ нескрываемымъ осужденіемъ, другіе — съ разсудительнымъ спокойствіемъ видавшихъ виды людей.

— Теперь все понятно, — говорили третьи, жалкіе обыватели, подходившіе къ политической идеологии со своимъ мелочнымъ мѣщанствомъ. — Теперь все понятно. Когда ни встрѣтишь Наватина, все проситъ десять рублей. Береть, а потомъ не отдаетъ. Большевикъ!

5.

Шли дни; бѣжали недѣли; прыгали мѣсяцы. Гебридовъ былъ большевикомъ. Я встрѣтилъ его на Невскомъ проспектѣ.

— Дайте взаимнообразно десять рублей.

Я категорически отказался.

— Слушайте, — сказала Гебридовъ, — вы будете работать въ газетѣ «Свобода и Чистыя Улицы»?

— Возможно, — отвѣтилъ я.

— Какъ! Въ этомъ гнусномъ буржуазномъ органѣ? Въ этомъ провокаціонномъ листкѣ, который, клеветая на рабочихъ, воткнетъ ножъ въ спину революціонной демократіи!..

Мы разстались.

Черезъ нѣсколько дней я получалъ въ конторѣ газеты «Свобода и Чистыя Улицы» недѣльный гонораръ. Рядомъ со мной стоялъ Гебридовъ и расписывался въ полученіи ста рублей.

— Вы здѣсь? — удивленно спросилъ я его.

— Это длинная исторія... Я вамъ когданибудь ее разскажу... Тутъ, понимаете, цѣлая комбинація...

6.

Недавно мнѣ пришлось заѣхать въ редакцію архи-буржуазной газеты. Изъ кабинета мѣстнаго редактора вышелъ Гебридовъ. Въ рукахъ его была небольшая записка, которую онъ передалъ сидѣвшему за рѣшетчатымъ окномъ кассиру.

— Вы и здѣсь работаете? — спросилъ я его.

— Это очень длинная исторія... Я вамъ все объясню... Понимаете...

Я круто повернулся на каблучкахъ. Уже въ дверяхъ я слышалъ голосъ Гебридова, но не могъ разобрать, что онъ говоритъ. Только два послѣднихъ слова я отчетливо слышалъ: «до четверга».

Эпилогъ.

Вамъ, чернильнымъ канальямъ, отъ лица почтеннѣйшей публики приносится пожеланіе сломать себѣ въ самомъ ближайшемъ будущемъ и руки и ноги.

Бор. Мирскій.

ПРЕДЛОГЪ ДЛЯ РАЗВОДА.

— Хочу съ женой развестись...

— Какъ?! Но вѣдь она же чудесная, добродѣтельная женщина!! Что за причина?!

— Видите ли... она въ свое время Смольный окончила... А я не могу теперь слышать этого слова!!

ПОСЛѢДОВАТЕЛЬНОСТЬ.

— Въ Москвѣ большевики разгромили орудіями нѣсколько церквей и Иверскую часовню.

— И правильно. Это именно такой образъ правленія, когда «хоть святыхъ вонъ выноси!».

ОПАСНОСТЬ ЦАРИЗМА.

— А здорово мы буржуямъ замазали рты...

— Что толку? А во рту у нихъ, все-таки остались золотыя коронки...

Волкъ.

ВОЛЧЬИ ЯГОДЫ.

Взятіе русскими Берлина

Какая-то газета сообщаетъ, что, кажется, въ Сызрани

толпой солдатъ мѣстнаго гарнизона разбитъ трактиръ, раньше носившій названіе „Берлинъ“.

По этому поводу вспоминаются прочувствованные горячіе стихи современнаго автора, напечатанные въ самомъ началѣ войны:

Прежде, чѣмъ весна откроетъ
Ложе влажное долинь, —
Будетъ русскими войсками
Взятъ заносчивый Берлинъ.

А еще говорятъ, что нѣтъ пророковъ въ своемъ отечествѣ.

Кормильцы-поильцы.

Какіе-то клеветники увѣряютъ, что въ Россіи очень плохо обстоитъ продовольственное дѣло. Наоборотъ, образцово. Не только самихъ себя кормимъ — даже голодающую Турцію подкармливаемъ.

„Новая Жизнь“ сообщаетъ:

Въ Акмолинской и Семипалатинской областяхъ киргизами производится усиленная скупка хлѣба, который на верблюдахъ, черезъ Туркестанъ отправляется въ Турцію. Скупка хлѣба производится совершенно открыто, и перевозкой его занято болѣе 30.000 верблюдовъ.

То, что перевозкой нашего хлѣба занято тридцать тысячъ верблюдовъ — это ихъ верблюжье дѣло, но неужели нѣтъ ни одного человека, который былъ бы занятъ тѣмъ, чтобы этой перевозки не допустить?

Настоящее слово.

Кропоткинъ анархистъ-теоретикъ, человекъ мягкодушный и должно быть не достаточно твердый въ своихъ анархическихъ убѣжденіяхъ, иначе у него нашлись бы такіе же пламенные горячія слова, какія находятся у менѣ видныхъ представителей анархизма въ Россіи.

Вотъ, напримѣръ, Константинъ Рыстинъ — куда убѣжденнѣ Петра Кропоткина:

Гласный царьинской думы Рыстинъ обратился въ думу съ слѣдующимъ заявленіемъ, которое приводимъ съ сохраненіемъ орфографіи:

Признавая тактику большевиковъ не достаточно революціонной заявляю, что я выхожу изъ фракціи и слагаю съ себя званіе гласнаго думы я принципиально отрицающій власть законы и тюрьмы считаю для себя не честнымъ оставаться въ учрежденіи гдѣ проводятся идеи противъ моего убѣжденія.

Анархистъ.

Пусть сильнѣе грянетъ Буря, да здравствуетъ Анархія.

Константинъ Рыстинъ.

Конечно, пусть сильнѣе грянетъ въ мѣстномъ подрайонѣ! И никакихъ законовъ и власти! Особенно вечеромъ, когда совсѣмъ уже темно, а милиционеръ ушелъ къ знакомымъ чай пить.

Некогда разбираться.

Въ Плоцкѣ было вывѣшено такое объявленіе:

ОТЪ ГОРОДСКОЙ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ УПРАВЫ.

Съ 4 сего октября по купону на мясо будетъ отпускатся керосинъ по нормѣ 8 фунтовъ въ недѣлю на книжку болѣе двухъ ѣдоковъ и по 4 фунта на книжку для одного и двухъ ѣдоковъ.

Съ продовольственной карточкой, конечно, всегда можно поразвлечься. Стоитъ только начать выдавать на мочочныя — рыбій жиръ, а на хлѣбныя — птичій пухъ... Веселья прямо не оберешься...

Гурманы.

Римляне говорили, что всякое хорошее вино нужно чѣмъ-нибудь разбавить, чтобы почувствовать его настоящей вкусъ въ Θεодосіи у толпы чисто римскіе вкусы. Ей тоже нравится вино въ разбавленномъ видѣ.

Недавно тамъ начали громить склады вина. Въ одномъ изъ нихъ разбито было нѣсколько бочекъ, вино изъ которыхъ залило подвалъ. Прибывшій комиссаръ распорядился вылить въ подвалъ три бочки изъ проѣзжавшаго ассенизаціоннаго обоа. Пьяные солдаты

Рис. Ре-ли

ВЕРБЕНА.

Мнѣ милъ онъ тѣмъ, что онъ какой-то отдаленный,
 Какъ будто среди насъ его забылъ шестидесятый годъ.
 Къ нему идутъ бесѣдки и колонны,
 Я нарядила бы его въ жабо изъ бѣлыхъ кружевъ,
 Вербеной надушила бы платокъ,
 Я посадила бы его въ рыдванъ — такой тяжелый, неуклюжій,
 Борзую положила бы у ногъ
 И отвезла въ пращѣдовое имѣнье,

Гдѣ всѣ полы отъ ветхости скрипятъ,
 Угольные диваны призываютъ къ лѣни
 И внизъ къ рѣкѣ сбѣгаетъ яблоневый садъ.
 Ахъ, вмѣстѣ съ нимъ въ минувшее столѣтье
 Нырнуть и задыхать вербеной прежаихъ лѣтъ,
 Когда свистали кровожадно плети
 И былъ амурами украшенъ туалетъ.

Лидія Лѣсная.

Рис. Миссъ.

пили и эту смѣсь. На слѣдующій день разгромлено было еще нѣсколько складовъ. Два перепившихся солдата утонули въ винѣ, два умерли отъ перепоя.

По сравненію съ такой смѣсью простой спиртъ изъ банки съ годовалымъ ребенкомъ долженъ показаться амброіей.

Центрокалошное.

Къ центральнымъ учрежденіямъ прибавилось еще одно, съ очень сочнымъ названіемъ:

Рѣшено выписать изъ Америки 5.000.000 паръ обуви. Распределение этой обуви среди городского населенія министерствомъ продовольствія цѣлкомъ передано центральному военно-промышленному комитету, который для сей цѣли создалъ специальную организацію „Центросапогъ“.

Ничего — и при „Центросапогѣ“ центрo-босикомъ ходить будемъ. Ко всякому центрoсвинству привѣкли. Не центрo-обнадежите. Сами центрo-понимаемъ.

Классовая борьба.

Намъ очень хотѣлось, чтобы это было неправдой, но газеты упорно рассказываютъ о томъ, что

въ Харьковѣ въ исполнительномъ комитетѣ совѣтовъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ было заслушано заявленіе заводскаго комитета завода Гельферихъ-Саде о судебномъ преслѣдованіи, возбужденномъ противъ рабочихъ, которые учинили безобразное насиліе надъ директорами завода, продержавъ ихъ подъ арестомъ.

Исполнительный комитетъ р и с. д. вынесъ слѣдующую резолюцію:

„Насилія чинимыя, рабочими надъ администраціей, комитетъ призналъ „классовой борьбой“. А въ классовую борьбу судебная власть, по рѣшенію комитета, не имѣютъ права вмѣшиваться.

По этой системѣ можно придти въ незнакомую семью, поселиться въ кабинетѣ хозяина квартиры и сказать, что это — переселеніе народовъ, взять его деньги, формулировавъ, что это, столь обычное въ области экономіи перемѣщеніе цѣнности, и въ довершеніе всего убѣждать съ его женой, объявивъ, что это только безболѣзненный переходъ къ новымъ формамъ семьи и брака.

Добойкотировались.

Количество буржуазныхъ и реакціонныхъ газетъ увеличивается съ каждой минутой — стоитъ только большевикамъ обратить вниманіе на печать. Въ Петроградѣ

на засѣданіи Совѣта были сдѣланы предложенія включить въ списокъ бойкотируемыхъ газетъ: „Единство“, „Извѣстія Ц. И. К.“ и „Голосъ Солдата“.

„Рабочій Путь“ еще держится. И до него очередь дойдетъ — тоже вѣдь букву ять соблюдаетъ и не на папирсной бумагѣ выходитъ.

Страшный приговоръ.

Въ Екатеринославѣ завелся какой-то „междупартійный“ судъ.

Разница между обыкновеннымъ уголовнымъ и „междупартійнымъ“ судомъ — въ томъ, что въ обыкновенномъ судѣ судьи сидятъ за столомъ, а преступникъ на скамьѣ подсудимыхъ; въ „междупартійномъ“ же — судьи сидятъ на полу, балансируя стульями, поставленными на судейскихъ носкахъ... На

ЗДРАВЫЙ ВЗГЛЯДЪ НА ВЕЩИ.

Рис. Груса

— Вы не знаете, скоро пролетаріатъ будетъ рѣзать буржуевъ?
 — А вамъ зачѣмъ знать?
 — Да у меня камни въ печени. Такъ я ужъ и не знаю: стоитъ ли мнѣ дѣлать операцію или ужъ не возиться, подождать что ли...

этих стульяхъ сидятъ преступники и, подгоня судей носкомъ сапога, направляютъ, такимъ образомъ, все судебное по своему желанію.

Вотъ образчикъ:

Въ Екатеринославѣ проворовался членъ комитета попеченія о солдаткахъ, Овчинникъ. Былъ созванъ междупартійный судъ (вмѣсто уголовного), который постановилъ:

„Имѣя въ виду, что товарищъ Овчинникъ, подорвалъ здоровье и что демократическій принципъ обязываетъ организаціи поддерживать работниковъ, подорвавшихъ здоровье, признать Овчинника невиновнымъ въ растратѣ и считать его поступки лишь недемократичными“.

— Преступникъ! — говоритъ междупартійный судья. — Вы зарѣзали эту женщину. Считаю вашъ поступокъ недемократичнымъ.

— Ахъ, ахъ! — вскрикиваетъ въ ужасъ преступникъ и падаетъ въ обморокъ. — О, пощадите меня, жестокой судья!

— Нѣтъ! — гремитъ судья. — Приговариваю васъ къ тому, что всѣ будутъ считать вашъ поступокъ недемократичнымъ.

У всѣхъ холодѣетъ сердце отъ ужаса.

Дурный Стецько.

— Ну что у васъ новенькаго? — благодушно спрашиваетъ читатель.

— А вотъ — кушайте:

Первый Украинскій съѣздъ Зап. фронта потребовалъ, чтобы Правительство немедленно приступило къ мирнымъ переговорамъ и заключило перемиріе на всѣхъ фронтахъ.

Не о председателѣ ли этого украинскаго съѣзда поетъ гоголезскій Левко:

Хлопцы, слышали ли вы,
Наши ль головы не крѣпки!
У кривого головы
Въ головѣ разсѣлись клепки...

Тутъ же Левко рекомендуетъ и лѣкарство для „Украинскаго Съѣзда“:

Набей, бондарь, голову
Ты стальными обручами;
Вспрысни, бондарь, голову
Батогами, батогами!

Художество и „художество“.

Изъ „Вольности“:

Незадолго до революціи бывшая самодержица Александра говорила на прощальной аудіенціи одному итальянскому генералу: „Вамъ трудно воевать, не правда ли? Peuples d'artistes, de peintres...“ Генералъ отвѣтилъ довольно сухо: „Художнику легче стать солдатомъ, нежели солдату — художникомъ“.

Теперь, впрочемъ, наши тыловые солдаты доказали, что и солдату легко стать „художникомъ“.

Такия художества показываютъ, что волосы дыбомъ.

Въ Кронштадтѣ.

О прапорщикѣ Эдіетѣ:

Комиссаръ Вр. Правительства въ Кронштадтѣ, прапорщ. Эдіетъ, принадлежащій къ партіи меньшевиковъ-интернационалистовъ, исключенъ изъ этой партіи за то, что, получивъ предложеніе судебнаго слѣдователя объ арестѣ анархиста Блейхмана, поручилъ начальнику кронштадтской милиціи, Иванову, привести это предложеніе въ исполненіе и затѣмъ настаивалъ въ кронштадтскомъ исп. ком., членомъ котораго состоитъ Блейхманъ, объ арестѣ послѣдняго.

Одинъ былъ въ Кронштадтѣ умный человекъ и тотъ — Эдіетъ.

Начало конца.

Нравоучительная исторія, доказывающая, что лѣвѣтъ безъ конца нельзя. Лѣвѣя и лѣвѣя, можно дойти до лужи, въ которую и шлепнешься.

Пока что — этотъ казусъ приключился съ большевиками:

На заводѣ Лесснера — главной опорѣ большевиковъ на Выборгской сторонѣ — шелъ митингъ.

Выступили большевики и подъ официальные аплодисменты что-то говорили о буржуахъ и интернаціоналѣ...

Публика слушала и скучала...

Все это уже было извѣстно и не трогало...

Послѣ большевиковъ выступили анархисты. Ясно и просто они доказали слушателямъ, какъ дважды-два — четыре, что большевики — буржуи и контръ-революціонеры, что они эксплуатируютъ рабочихъ и что пора положить предѣлъ ихъ преступной дѣятельности...

Толпа вздрогнула отъ восторга...

— Долой большевиковъ!...

— Долой кровопійцевъ!

— Они предались буржуазіи...

Пытавшійся выступить съ возраженіями большевикъ былъ нѣсколько помятъ, а остальные ораторы поспѣшили скрыться...

Такъ кончится пиръ ихъ бѣдою...

Совѣтское.

Это уже который? Десятый, сотый, тысячный?

Въ составъ кievскаго окружнаго совѣта солдатскихъ депутатовъ округа входилъ въ качествѣ представителя гарнизона города Умани, депутатъ Добровицынъ, примкнувшій въ с.-р. максималистамъ.

Добровицынъ пользовался среди фракціи большимъ вліяніемъ и проводился въ составъ исполнительнаго комитета.

Нынѣ выяснилось, что Добровицынъ многократно судился за кражи, вооруженныя нападенія и другія уголовныя преступленія. Онъ былъ приговоренъ къ наказаніямъ, вплоть до десятилѣтней каторги.

Вотъ-те и уманскій депутатъ.

Всероссійски извѣстный „уманскій дурень“ нынче мѣняетъ личину на болѣе серьезнаго:

Уманскаго каторжника.

ПОСКЛАДАМЪ.

Новой книги ароматъ вамъ знакомъ?

Этотъ пряный запахъ загадки?

Вы похожи на такой неразрѣзанный томъ,

Взятый съ полки украдкой.

Въ день осенній, ложась на широкій диванъ,

Я люблю гладкимъ ножикомъ кости слоновой

Открывать пути мысли новой,

Проникать въ глубину новыхъ странъ.

Въ день осенній, холодный и мгlistый,

Васъ хотѣлось бы мнѣ прочесть, будто книгу

Узнать ея тайны, интригу...

Но, — увы! — ваше сердце не листь!

А я не хочу положить васъ на дальнюю полку,

Мнѣ хочется знать: вы какой?

Дождь. Елка

Стучится въ окно костлявой рукой

Въ зеленыхъ иголкахъ.

Шумитъ въ головѣ. Отъ дождя? Отъ вина?

Какъ хорошо, что такъ длинна

Ночь осенняя:

Я по складамъ, не спѣша, читаю въ васъ нѣжныя строки,

И мнѣ такъ нравятся эти уроки

Чтенія!

Лидія Лѣсная.

У ОСТАНОВКИ.

(Съ натуры.)

1-й: — ...Какой-нибудь паршивый трамвай, который стоилъ пятакъ, такъ онъ теперь стоитъ себѣ двадцать копеекъ...

2-й — Мнѣ трамвай стоитъ семьдесятъ копеекъ: полтинникъ я плачу каждый разъ по выходѣ изъ вагона чистильщику сапогъ.

3-й: — Ха-ха! Семьдесятъ копеекъ!.. Настоящая трамвайная плата, — пять двадцать. Двадцать копеекъ кондуктору и пять рублей врачу, къ которому мнѣ приходится обращаться всякій разъ послѣ поѣздки въ трамваѣ: то переломъ, то жесточайшій нервный припадокъ... Ох-хо-хо-хо!..

4-й: — Все это, господа, пустяки. Мнѣ каждый трамвайный рейсъ стоитъ столько, сколько у меня въ данный моментъ въ бумажникѣ. Вотъ у меня сейчасъ при себѣ три съ половиной тысячи финскихъ марокъ. Слѣдовательно, проѣздъ отъ угла Невскаго и Садовой до Николаевскаго вокзала влетитъ въ эту сумму. (Вздыхаетъ.) Если бы я ѣхалъ на Финляндскій вокзалъ, не такъ было бы обидно, но вѣдь я же ѣду на Николаевскій, на Николаевскій, чортъ возьми!.. (Волнуется.)

5-й (съ наглымъ смѣхомъ): — А я попрежнему зайчикомъ, зайчикомъ...

Подходитъ трамвай. Всѣ пятеро бросаются къ подножкѣ.

1-й ловко вдавливаясь на площадку.

5-й съ невѣроятной быстротой топчетъ ноги 2-му и выбиваетъ зубъ 3-му.

Создается замѣшательство, во время котораго 5-й выхватываетъ у 4-го три съ половиной тысячи финскихъ марокъ и скрывается въ глубинѣ вагона.

А печальный, беспомощный больной вагонъ, кряхтя, визжа, треща, со стономъ и проклятіями на своемъ вагонномъ языкѣ, идетъ дальше.

Больше всего мнѣ жаль сейчасъ трамвайные вагоны.

Бѣдные, бѣдные...

В. Черній.

Почтовый ящик „НОВАГО САТИРИКОНА“.

А. Петроградъ.

Мальчику съ бородой. — Плохое настроеніе у этого страннаго мальчика:

Уйди, моя муза,
И ты — мой Пегасъ.
Талантъ мой — обуза,
Порывъ мой — погасъ.

Разъ даже вы считаете свой талантъ обузой, то мы-то — посторонніе, жестокіе — какъ должны мы на него смотрѣть?

И. Сѣчевому. — А Сѣчевой, знаете, — разбарабанился такъ, что хоть уши заткни:

Я пролетаріямъ всѣхъ странъ
Все барабаню въ барабанъ:
Подъ красный стягъ идите къ намъ —
Тара-ра-рамъ, та-трахъ-та-тамъ.

Именно, что „тахрахъ-та-тамъ“.

Барабанить вы все мастера, а заняться дѣломъ — на это васъ нѣтъ.

С. Ст—пу. — Помимо того, что рассказъ скученъ, вы еще огорчили насъ и тѣмъ, что у вашего героя:

„Кудрявое лицо“.

Въ другомъ мѣстѣ вы утверждаете, что

„Левковичъ ввинтилъ въ лицо своего врага острый, какъ штопоръ, взглядъ“.

Откупорилъ ли Левковичъ своего врага или нѣтъ — вы умалчиваете.

Паннѣ-Стасть (Верейск. 7). — Или панна Стася совѣмъ не знаетъ собакъ, или ей приходилось знакомиться съ исключительно дрессированными экземплярами:

„... Я такъ любила Юзефа, что готова была, какъ собака, чистить ему сапоги“.

Рассказъ вашъ настолько намъ не подходитъ, что мы, какъ собаки, готовы забраковать его.

Е. Москва.

Л. Ф. — Не подошло.

Въ пространство. — Синеу студенту, Галченку, Якову Удскому — не подошло

В. Д. Армія.

Пор. Фирсову. — Къ сожалѣнію, не подошло.

Ave.

Редакторы: { А. Т. Аверченко.
Арк. Буховъ.

Издатель: Т-во „Н. Сатириконъ“.
Петроградъ, Невскій пр., 88. — Тел. 59-07.

ИЗДАТЕЛЬСТВО

„НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“.

Петроградъ, Невскій пр., 88. — Телефонъ 59-07.

Выписывающіе со склада издательства на сумму не менѣе 3-хъ руб. за пересылку не платятъ. Суммы до 10 руб. можно высылать марками почтовыми и гербовыми.

Вышли въ свѣтъ и поступили въ продажу слѣдующія книги:

Аркадій Аверченко.

Чернымъ по бѣлому.

Цѣна 2 руб.

Сатириконцы въ Европѣ.

Цѣна 2 руб.

Чудеса въ рѣшетѣ.

Цѣна 2 руб.

Караси и щуки.

Цѣна 75 коп.

Тэффи.

Ничего подобнаго.

Цѣна 3 руб.

Дымъ безъ огня.

Цѣна 2 руб.

Аркадій Буховъ.

Чортово колесо.

Цѣна 1 р. 50 к.

Жуки на булавахъ.

Цѣна 1 р. 50 к.

Тихія непріятности.

Цѣна 2 р. 50 к.

1918 г. открыта подписка XIII годъ изданія.

на роскошный художественно-литературный журналъ съ громадной галлереей картинъ въ краскахъ, орнаментами, конгреснымъ тисненіемъ, барельефами и многими многокрасочными и золотыми украшеніями.

ПРОБУЖДЕНІЕ

12 роскошныхъ выпусковъ художественно-литературнаго журнала, въ красивыхъ рельефныхъ папкахъ, съ приложеніемъ изящныхъ книгъ и цѣнныхъ премій. 12

При каждомъ № „УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ“. Новые законы Россіи. Подписавшіеся на 1918 годъ получаютъ приложенія:

12 РѢДКИХЪ ПО ИЗЯЩЕСТВУ художественныхъ ПОРТРЕТОВЪ — БАРЛЬЕФОВЪ первыхъ истинныхъ борцовъ за народъ.

30 КАРТИНЪ: ВЪ КРАСКАХЪ, автотипія, олеографія, фототипія, гравюры и друг.

Собранія сочиненій знаменитыхъ русскихъ писателей, свѣтлыхъ мучениковъ за счастье русскаго народа

Полныя собранія сочиненій:

Казеннаго въ 1826 году поэта

К. В. РЫЛѢВА

Осужденнаго въ Сибирь поэта

Кн. А. ОДОЕВСКАГО

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ

М. ДОСТОЕВСКАГО

яркаго сторонника сближенія съ народомъ.

Запрощенныя сочиненія:

Великаго защитника крестьянъ

Гр. Л. Н. ТОЛСТОГО

Борца за пролетаріатъ, знам. критика

Д. И. ПИСАРЕВА

РОМАНЫ, ПОВѢСТИ, РАЗСКАЗЫ,

МАРСЕЛЬЕЗА

цѣнный, художественной работы портфель-альбомъ,

— въ память русскаго революціи 1917 г., —

съ приложеніемъ революціонныхъ, литературныхъ и музыкальных произведеній для концертныхъ-митинговъ, съ изящными открытыми письмами и коллекціей украшенной многокрасочными орнаментами, художественной бумаги для писемъ.

Два роскошныя стѣнные картины въ краскахъ;

Грядущая весна. || Въ надзвѣздныхъ краяхъ.

Испанск. художн. НАМПА. Размѣръ картинъ 60 сант.

АБОНЕМЕНТЪ: на годъ 20 р. на полгода 10 р.

Пробный № высылается за 1 рубль

Петроградъ, Редакція «Пробужденіе»,

Суворовскій пр., с. д. № 41.

Ред.-изд. Н. В. Корвакій.

Читайте журналъ

БАРАБААНЪ.

Продается у всѣхъ газетчиковъ.

ЗА СТОЛОМЪ ИЛИ НА СТОЛѢ?

Рис. А. Радакова.

До большевиковъ мы, сатириконцы, надѣялись, что Россія на мирной конференціи будетъ сидѣть за столомъ...

Теперь мы боимся, какъ бы Россія на конференціи не оказалась на столѣ...

С. Радаков